

СВОБОДА ОТ ВЕРЫ

НАСУЩНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ МИФИЧЕСКАЯ ПАНАЦЕЯ?

**Дмитрий
ПУЗЫРЕВ**

Европейская цивилизация, формируясь в непростых исторических условиях на обломках древнегреческой и древнеримской культур, достаточно длительное время развивалась в теснейшей связи с христианской религией. Это обстоятельство обусловило тот факт, что многие новации, затрагивающие жизнь средневекового европейца, либо предавались анафеме и гибли на кострах святой инквизиции, либо, получив благословение церкви, становились повседневной реальностью. Немаловажно и то, что христианство, будучи религией книги, само, в известной степени, способствовало развитию образования, что также стало одним из стимулов развития европейской цивилизации. К тому же именно протестантской этике, возникшей в лоне реформированного христианства, Европа (добавим к ней США и, с некоторыми оговорками, Канаду) во многом обязана нынешним экономическим могуществом и доминированием в современном мире. Не случайно европейскую цивилизацию в огромной степени можно назвать христианской.

ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ВЕРЫ И РАЗУМА

**Екатерина
ПУЗЫРЕВА**

В условиях постоянного контроля католическим духовенством всех сторон жизни европейцев, а также жесткого диктата папской власти, основанного на иррациональных предпосылках, с течением времени некоторые недовольные европейские мыслители (в исторической литературе можно встретить другой термин – прогрессивные) начинают обосновывать необходимость полного освобождения разума от опеки веры.

Но только эпоха Просвещения ознаменовала собой первые последовательные и, что более важно, теоретически осмысленные попытки ученого сообщества Европы противопоставить разум вере. Важно отметить, что сначала подобные старания носили в основном спорадический характер и являлись, скорее, некими сомнениями относительно истинности существующей реальности, чем системными требованиями по изменению сложившегося способа организации взаимоотношений в треугольнике «церковь – государство – индивид». И только по мере развития научных знаний, известной демократи-

зации общественных отношений призыв к отделению разума от веры все больше превращался в реализуемый на практике лозунг.

Данное обстоятельство оказалось отнюдь не случайным. Так, по мнению деятелей эпохи Просвещения и атеистически настроенных мыслителей и философов XIX века, именно примат разума над верой, стимулируемый поступательным развитием науки и техники, должен был стать необходимым условием небывалого прогресса человеческой цивилизации. Подобные настроения элиты при значительной поддержке среды простых обывателей привели к тому, что уже в XX столетии противопоставление веры и разума достигло своего апогея. В связи с этим значительной части человечества стало казаться, что в сложившейся ситуации земной рай станет неминуемой реальностью...

Но все оказалось иначе: две опустошительные мировые войны, бесконечные гражданские войны и локальные конфликты, проходившие на фоне холодной войны, в любой момент грозившей перерасти в третью мировую (первую ядерную), неустанно сотрясали планету на протяжении всего XX столетия.

**СЛОВА
МАЛАДЫМ
ВУЧОНЫМ**

А нынешний век, кроме всего прочего, поставил перед цивилизованным человечеством новую глобальную проблему – международный терроризм.

Интересно, что многие исследователи указывают на непосредственную связь международного терроризма с радикальным исламом, поэтому вовсе не случайно, что в повседневную практику прочно вошел термин «исламский» (или «исламистский») терроризм. Это определение правомерно в том смысле, что политический проект, выдвинутый террористами, использует существенные элементы исламской веры, догматики, а также выдвигает конкретный план создания «Вселенского халифата», построенного на принципах, заложенных пророком Мухаммедом. Данное обстоятельство во многом есть следствие глобализации: жители исламского мира, став чуть ли не главными «жертвами» ее процессов, на основе идеологии ислама создают свою, альтернативную модель развития цивилизации, которая отличается крайним радикализмом. В этой модели терроризму отводится роль средства реализации ее на практике. Однако необходимо обратить особое внимание на то, что использование термина «исламский» терроризм ни в коем случае не ведет к постановке знака равенства в системе «ислам – террор». Этим лишь указывается на конкретную группу – носительницу данной идеологии. Отсюда следует, что международный терроризм является «исламским» лишь в той степени, в которой его вдохновители и идеологи используют значимые элементы соответствующей религиозной идеологии, что на данном этапе и выступает в качестве ключевой характеристики изучаемого феномена.

Впрочем, кроме терроризма в копилку проблем человечества, инициированных заметным падением нравственных ориентиров и утратой идеалов, носителями и трансляторами которых во многом были именно религиозные институты, в прошлом веке были добавлены проблемы СПИДа, наркомании, работоторговли, протестантии...

ОТ АТЕИЗМА – К РЕЛИГИОЗНОМУ РЕНЕССАНСУ

Ради справедливости отметим, что еще дальше в своих атеистических изысканиях пошли идеологи первого в мире государства рабочих и крестьян. Они попытались не просто разграничить области разума и веры (необходимость этого в разумных пределах понимает сегодня всякий образованный человек), а противопоставить веру в божественное (сверхъестественное) человеческой сущности вообще. Но... В пику всем логическим конструкциям идеологов научного коммунизма, созданное ими государство воинствующего атеизма ждал отнюдь не расцвет. А открытый геноцид своего народа, начатый после победы в Гражданской войне, не прекращался вплоть до самой гибели этой страны, с течением времени лишь принимая все новые и новые формы, имеющие более скрытый, закамуфлированный характер.

Дабы не быть голословными, обратимся к историческим фактам. Так, если в феврале 1917 года одна из наиболее спорных составных частей уваровской триады – самодержавие (на котором, по словам известного министра просвещения XIX века, зиждилось российское государство) – канула в лету, то на православие и русскую народность на тот момент никто не рискнул покуситься. Однако большевики понимали, что даже победа, одержанная в Гражданской войне, и связанная с этим надежда на скорую викторию мировой пролетарской революции не могут гарантировать невозможности восстановления российского государства в нежелательной для них форме, пока существуют такие мощные идеологические ориентиры, как великорусская идея и православие. Все это стимулировало давление на православие как на цементирующую идеологию единого российского государства, далекого от абстрактно понимаемого духа пролетарского единства. И нажим с течением времени только усиливался. В ускоренном темпе шло проведение уникального социокультурного эксперимента,

ПУЗЫРЕВ

**Дмитрий
Александрович.**

Родился в 1981 году в Могилеве. В 2006 году окончил исторический факультет Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова. После окончания университета работал в сельской школе учителем истории и географии.

В ноябре 2009 года окончил аспирантуру Академии управления при Президенте Республики Беларусь по специальности «Политические проблемы международных отношений и глобального развития».

Сфера научных интересов: изучение влияния радикальных течений ислама на развитие современной системы международных отношений, а также изучение проблем международного терроризма.

ПУЗЫРЕВА

**Екатерина
Александровна.**

Родилась в 1986 году в Могилеве. В настоящее время учится на четвертом курсе исторического факультета Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова по специальности «Преподаватель истории и социально-политических дисциплин».

Сфера научных интересов: межконфессиональное согласие в Республике Беларусь.

направленного на создание нового типа человека, чуждого культурной, национальной, а главное, конфессиональной идентификации и общности. Вполне возможно, это и стало одним из важнейших, но скрытых мотивов культурной революции 20-х годов прошлого века.

Индустриализация, инициированная в конце 1920-х годов в соответствии с теорией социалистического преобразования народного хозяйства, потребовала огромных финансовых вложений, которых не могло быть у разоренной Первой мировой и Гражданской войнами страны. И хотя начатый в 1921 году НЭП существенно улучшил внутреннее положение страны, идеологические и бюрократические препоны свели к минимуму позитивные достижения. В таких условиях финансирование ускоренной индустриализации должно было осуществляться путем продолжения разорения села, а дополнительные,

Сцена из антирелигиозной пьесы в постановке Белорусского государственного еврейского театра под руководством М. Рафальского, 1930-е годы

и весьма значительные, средства приносило дальнейшее (начавшееся еще в конце Гражданской войны) разграбление храмов и монастырей, вывоз и продажа общенациональных святынь за рубеж.

Однако самым сильным испытанием для православной церкви стали репрессии конца 1930-х годов. Казалось, они

должны были подвести жирную черту под многовековым и взаимовыгодным, если в данных обстоятельствах вообще уместно такое слово, сосуществованием русского народа и христианства восточного образца. Но, выдержав и это нелегкое испытание (правда, с немалыми потерями), православная церковь вместе со своим многострадальным народом стала на защиту Святой Руси в начавшейся Великой Отечественной войне, по окончании которой потепление в отношениях с большевистским государством, едва заметное в военные годы, практически сошло на нет. Это было вызвано тем, что такое идеократическое государство, как СССР, не могло позволить существование на собственной территории иной, а отчасти и альтернатив-

ной идеологии. Поэтому, как только угроза опасности для большевистского режима в виде фашистской агрессии миновала, политика в отношении православия вновь ужесточилась. Правда, справедливости ради признаем тот факт, что репрессий в отношении духовенства в прежних масштабах уже не наблюдалось: на вооружение были взяты иные методы и средства проведения в жизнь государственной политики. Да и страна, победившая фашизм, была уже другой...

Так, уже в брежневскую эпоху положенная в основу большевистского государства коммунистическая идея начала лишаться романтического ореола первых лет революции, все чаще и чаще показывая свою иллюзорность и несостоятельность. Однако только в период перестройки едва уловимые в «застойные» времена ростки критического осмысления действительности дали настоящие всходы.

Начавшийся в середине 1980-х годов кризис, охвативший все стороны государственной жизни, поколебал завоеванные в жесточайшей борьбе позиции большевистской идеологии, которая оказалась совершенно неспособной дать актуальные ответы на появившиеся перед обществом вызовы и угрозы. В таких непростых условиях жаждавшее мало-мальского утешения большинство населения обращается к традиционным религиозным верованиям, среди которых важное место, безусловно, занимает православие. В результате чего на рубеже 1980–1990-х годов постсоветское пространство переживает бурный период религиозного ренессанса.

Сложилась довольно парадоксальная ситуация: бегство к свободе от веры и связанные с этим надежды на счастливое будущее первого в мире государства воинствующего атеизма привели к противоположному результату. И если в начале своего формирования советская держава активнейшим образом способствовала закрытию православных приходов (та же участь ждала и другие традиционные конфессии бывшей Российской империи), то в середине 1980-х она уже не могла препятствовать их возрождению.

Вместе с тем, наблюдаемое в наши дни увеличение числа верующих есть результат не только кризиса мировоззрения постсоветского человека, переориентации его жизненных ценностей и установок, итог определенных моральных изысканий, но, к сожалению, и плод конъюнктурных соображений. Дань моде, если угодно. Кроме того, насаждение западных идеалов с их неперменной ориентацией на культ достатка и денег, а также активная пропаганда исключительно материальных ценностей привели к тому, что для многих членов нашего общества натальный крестик – символ памяти христианина о страданиях Христа – из культового предмета превратился в шикарное украшение.

Следует признать, что претерпело серьезные изменения и само отношение большинства так называемых верующих к религии – оно во многом стало подчеркнuto прагматическим, приобретая, таким образом, форму римского языческого концепта *Do ut des* (даю, чтобы ты дал), правда, в более скрытом, завуалированном виде. Факт, что сегодня очень многие люди идут в храм, кирху, мечеть, синагогу лишь тогда, когда им что-то нужно. Даже само возвращение бывших атеистов в лоно веры их предков в условиях разрухи, доминировавшей в период конца 80-х – начала 90-х годов на одной шестой части суши, при явном преобладании в этом выборе компенсаторной функции религии, во многом можно объяснить именно прагматическими настроениями, даже пусть и не до конца осознанными. Так, надежда на лучшее завтра, вселявшаяся в сердца мирян клириками всех мастей, вера в счастливую и безоблачную будущую жизнь были остро необходимы людям именно в условиях прогрессирующего социально-экономического кризиса и набиравшей немислимые темпы инфляции.

Впрочем, необходимо еще раз подчеркнуть, что, несмотря на определенные особенности, религиозный ренессанс постсоветского пространства все же есть часть общемировой тенденции, особенно замет-

ной в странах исламского мира, где сегодня наблюдается вполне осязаемое усиление влияния радикальных направлений ислама, представляющих собой идеологическую альтернативу негативным проявлениям глобализации.

Итак, пресытившись всевозможными социальными экспериментами, которыми особенно был богат XX век, большая часть человечества возвращается к своим культурным и религиозным истокам. И все же отметим, что в этом процессе важно избежать так присущих славянскому самосознанию крайностей. Кроме того, наличие большого числа «верующих согласно моде» гораздо опасней наличия конкретных структур и обществ, специально созданных для претворения в жизнь идеологии воинствующего атеизма, в том числе и с помощью насилия. Поэтому всевозможным религиозным институтам и другим заинтересованным сторонам необходимо всячески способствовать пресечению соответствующей практики.

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В БЕЛАРУСИ

За последние два десятилетия религиозное самосознание белорусского народа значительно возросло, а конфессиональный фактор стал играть заметную роль в общественно-политической жизни общества [1, с. 14]. Распад СССР и образование независимой Республики Беларусь способствовали росту в стране числа последователей всех ведущих конфессий.

Например, если в 1980-х годах уровень религиозности в нашей республике составлял примерно 20 %, то в начале 1990-х он возрастает до уровня 40–45 %, а к концу 90-х достигает диапазона 40–60 % (о своей религиозности в 1997 году заявили 37,5 % белорусских граждан) [2, с. 8]. Приведенные статистические данные

Пасхальное богослужение в костеле в Гродно, 2009 год

СЛОВА МАЛАДЫМ ВУЧОНЫМ

СЛОВА МАЛАДЫМ ВУЧОНЫМ

позволяют говорить о «религиозном ренессансе» на рубеже 1980–1990-х годов на территории Беларуси.

Но, несмотря на тенденцию возрастания религиозного фактора, Республика Беларусь, сразу после обретения независимости, провозгласила себя светским государством, что нашло отражение и в политике нашей страны. Вместе с тем государство взяло на себя заботу об обеспечении реализации прав граждан на свободу совести и вероисповедания, подтверждением чему являются принятые нормативно-правовые акты. Среди них следует особо выделить Конституцию Республики Беларусь, а также Закон Республики Беларусь от 31 октября 2002 года «О свободе совести и религиозных организациях» (в дальнейшем – Закон).

В ст. 16 Конституции записано: «Религии и вероисповедания равны перед законом». Из того же принципа равенства религий исходит и Закон (ст. 6). Конкретизируя конституционную ст. 16 в части того, что «взаимоотношения государства и религиозных организаций регулируются законом с учетом их влияния на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа» [3],

Закон признает определяющую роль православной церкви в историческом становлении и развитии духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа; духовную, культурную и историческую роль католической церкви на территории Беларуси; неотделимость от общей истории нашего народа евангелическо-лютеранской церкви, иудаизма и ислама [4].

Важно отметить, что принятый Закон в равной степени позволяет развиваться всем конфессиям, но государство в своем сотрудничестве отдает приоритет тем из них, которые неотделимы от истории формирования и развития нашего народа, благодаря взаимодействию которых сложился неповторимый белорусский менталитет. Согласно данным социологического исследования, проведенного Белорусским го-

сударственным университетом в 2006 году, верующими себя называют 58,9 % населения страны. И только 12,2 % определяют себя в качестве неверующих [1, с. 14]. Однако, по данным тех же социологов, более половины респондентов никогда или почти никогда (за исключением венчаний, похорон и крестин) не бывают на религиозных церемониях. И лишь 3,2 % опрошенных посещают церковь каждую неделю. Большинство же – 53 % – ходят на богослужения всего один-два раза в год, а 25,3 % вообще никогда не посещают религиозные службы [2, с. 7].

Однако именно постоянное посещение культового заведения и отправление там религиозных культов и предписаний является обязанностью адептов большинства ведущих религиозных систем. Поэтому есть основания говорить скорее о рационально принятой либо не совсем осознанной, интуитивной конфессиональной самоидентификации значительной части так называемых верующих, чем об их вере в сверхъестественное как становом феномене любой религии. Получается, что, не будучи истинно верующими или вообще являясь неверующими, часть населения либо в силу сложившихся исторических традиций, либо следуя рациональному выбору причисляет себя к той или иной конфессии, которая оказывает прямое или косвенное влияние на социализацию отдельной личности, а также вселяет чувство общности, коллективизма, свойственное восточнославянской ментальности.

Самой крупной конфессией в Беларуси является православие – древнейшая монотеистическая религия, появившаяся на белорусских землях еще в X веке. Количество адептов христианства восточного обряда на белорусских землях постоянно колебалось: от более чем половины населения ВКЛ (XIV век) до 6 % в конце XVIII века. Затем снова наблюдался рост числа приверженцев этого направления, но уже в составе Российской империи, после чего – очередное снижение, уже во времена большевистской России и СССР. И, наконец, в результате «религиозного

ренессанса» конца XX века количество православных в независимой Республике Беларусь составило около 80 %.

С католической церковью себя идентифицируют 9,3 % респондентов [1, с. 14]. Интересно, что первое (летописное) известие о попытке распространения на белорусских землях христианства латинского обряда относится к эпохе Киевской Руси (1013 год). Оно связано с епископом Рейнбергом – духовником дочери польского короля Болеслава, вышедшей замуж за туровского князя Святополка. Миссионерская деятельность епископа закончилась заточением в Киеве. Однако реальное начало распространения католицизма на территории Беларуси можно датировать концом XIV века, чему способствовала заключенная в 1385 году Кревская уния.

Однако вернемся к данным опроса. Около 2 % респондентов исповедуют протестантизм, различные направления которого известны на землях современной Беларуси со второй четверти XVI века. Первые мусульмане появились на территории нынешней Гродненщины во времена Витовта: их последователи сегодня составляют 0,2 % опрошенных. Столько же – 0,2 % участников исследования – относят себя к иудаизму, первые последователи которого начали проникать на земли современной Гродненской и Брестской областей уже в конце XIV века [1, с. 14].

Как видно, традиционные для нашей страны конфессии действительно имеют очень длительный опыт существования на этой земле и на самом деле оказали немалое влияние на формирование и развитие белорусского народа. При этом, несмотря на поликонфессиональность нашего государства, религиозных конфликтов в стране нет. По словам Митрополита Филарета, Патриаршего Экзарха всея Беларуси, «почва для межнациональной и межрелигиозной розни у нас отсутствует» [5, с. 21]. Стоит добавить, что данное положение вещей обуславливается и своеобразной ментальностью белорусского народа, а также специфическими условиями его генезиса. Иначе народу, нахо-

дящемуся в центре соприкосновения интересов Востока и Запада, раздираемому внутренними противоречиями, особенно религиозного характера, крайне трудно, если не сказать – невозможно, было бы выжить, а затем и образовать свое независимое государство.

На пресс-конференции, проходившей в Москве 1 февраля 2007 года, В. Путин сравнил традиционные российские конфессии с ядерным щитом, назвав их компонентами, укрепляющими российскую государственность. То же, с высоты полученного исторического опыта, можем с полной уверенностью сказать о традиционных для Беларуси конфессиях и мы. А меры, предпринимаемые государством по интенсификации отношений и созданию реально действующих совместных проектов с православной и католической церквями, а также с евангелическо-лютеранской церковью, иудаизмом и исламом, можно считать конкретными шагами, направленными на укрепление основ этого «щита».

Как пример можно привести Соглашение о сотрудничестве между Республикой Беларусь и Белорусской православной церковью, подписанное 12 июня 2003 года. Приоритетными направлениями совместной работы стали развитие общественной нравственности, воспитание, образование, культурная и творческая деятельность, охрана, восстановление и развитие исторического и культурного наследия нашего государства. В апреле 2004 года был завершен процесс подписания 14 программ сотрудничества между Белорусским Экзархатом и заинтересованными министерствами и ведомствами. В частности, была подписана программа сотрудничества между Министерством образования и Белорусской православной церковью, направленная на воспитание нравственно зрелой, духовно развитой личности, способной осознать свою ответственность за судьбу Отечества и своего народа, и, кроме того, на содействие развитию гуманитарного, в том числе теологического и религиоведческого, образования в Республике Беларусь. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуляко, Л. Уникальный опыт Беларуси / Л. Гуляко // *Беларуская думка*. – 2009. – № 5.
2. Землякоў, Л.Я., Марозаў, Ю.А. Дзяржаўна-рэлігійныя адносіны на Беларусі: стан і перспектывы / Л.Я. Землякоў, Ю.А. Марозаў // *Народная асвета*. – 2003. – № 7.
3. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 года и 17 октября 2004 года). – Мн.: Амалфея. – 2005.
4. О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях»: Закон РБ, 31 окт. 2002 г., №137-3 // *Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь*. – 2002. – № 123 – 2/886.
5. Филарет, Митрополит Минский и Слуцкий, Патриарший Экзарх всея Беларуси. Служение Господу и народу / Филарет // *Беларуская думка*. – 2009. – № 5.